

Красный ковёр тянулся от площади до нефритовых ступеней. По обеим сторонам, выстроившись в ряд, стояли дворцовые стражи в алых одеждах и золотых доспехах. Внизу, у подножия ступеней, смиренно коленопреклонённые, ожидали гражданские и военные чиновники. Наверху, на возвышении, с почтительными лицами замерли князья и знать. Снизу доверху — чёткое разделение по рангам.

Я бросил взгляд на трон вдалеке, поднялся на возвышение и встал среди прочей знати.

Под гул колоколов и бой барабанов, в окружении парадных зонтов и знамён, Сяо Лань медленно поднимался по нефритовым ступеням вместе с принцессой У Цзя. На его лице не было и тени свадебной радости — оно было ледяным и мрачным, словно он шёл в гробницу. Ни один император не мог испытывать удовольствия от такого вынужденного брака. Окажись на его месте я, я бы ни за что не допустил, чтобы Царство Мянью оказалось в столь бедственном положении.

Я предавался размышлениям, как вдруг чья-то ледяная рука схватила меня за запястье.

Я обернулся и с удивлением увидел рядом Сяо Юя. Он смотрел вверх и улыбался, его губы чуть шевелились.

Я не слышал его слов и лишь тогда вспомнил, что заткнул уши мехом. Вытащив его, я отпустил его руку.

— Я звал вас, дядюшка, но вы не откликнулись, — рассмеялся он. — Пришлось пойти на крайние меры. Надеюсь, не испугал?

— Меня не так-то просто напугать, — усмехнулся я.

Едва слова слетели с моих губ, как в небе грянул пушечный салют. Я вздрогнул всем телом, голова закружилась, и я едва не свалился со ступеней. Сяо Юй, проворно ухватив меня за рукав, помог удержаться. Между залпами раздался его легкомысленный смех:

— Оказывается, дядюшка боится пушечных салютов? А я-то думал, бывший император должен быть привычен к подобной помпезности.

Я оперся рукой на его ногу, поднялся и, глядя на него сверху вниз, произнёс:

— Я просто всегда предпочитал тишину.

— О? Раз дядюшка ценит уединение, — сказал он, — то племянник знает одно тихое и изысканное место в горах позади Императорского сада. Кстати, князь Шунь тоже его любит. Не соблаговолите ли вы почтить нас своим присутствием и разделить с нами вино под луной?

Я едва заметно дёрнулся. Когда мой седьмой брат успел сойтись с Сяо Юем?

Тут же мне вспомнилось: наложницей седьмого брата была младшая сестра из клана Юэ — семьи матери Сяо Юя.

Если Сяо Юй и седьмой брат объединятся, мне не только придётся прекратить с ним бороться, но и, пожалуй, стоит попытаться подружиться.

Сяо Юй ненавидит меня до костей, и я не могу ему доверять. Но я не могу позволить себе потерять седьмого брата. Нужно найти способ их поссорить. К тому же, Сяо Ду становится всё

менее управляемым. Мне нужен запасной путь, ещё одна страховка.

Обдумав это, я, не колеблясь, сложил свой веер из павлиньих перьев и спросил:

— Когда?

— Если для дядюшки это удобно, не могли бы вы прийти сегодня в полночь?

Я слегка кивнул. Вряд ли он сможет провернуть какую-нибудь подлость в пределах Императорского сада.

Пушечные залпы стихли. Сяо Лань и принцесса У Цзя заняли свои места.

Парадный зонт над тронном внезапно раскрылся, обнажив огромные золотые «крылья». Они сияли ослепительным светом, словно восходящее солнце.

Я, не ожидавший этого, зажмурился и отвернулся. Глаза пронзила острая боль, и на них выступили слёзы.

По щеке скользнула мягкая ткань. Я вздрогнул и увидел, что это Сяо Юй вытирает мои слёзы шёлковым платком. Его утончённые, но мрачные черты делали улыбку особенно болезненной, отвратительнее даже, чем холодность Сяо Ланя.

— Вид плачущего дядюшки поистине вызывает жалость, — прошептал он. — Неудивительно, что отец всё медлил с тем, чтобы от вас избавиться.

— Как ты смеешь! — Я не ожидал, что он превзойдёт в дерзости даже Сяо Ду, и резко стукнул его веером по руке. Оглядевшись, я не хотел, чтобы эту сцену кто-либо увидел. К счастью, над головой был тент от солнца, а по бокам — слуги, скрывавшие нас от взглядов остальных на возвышении. И едва я поднял глаза, как увидел стройную фигуру, шествующую по красному ковру. На нём был парадный халат наследного принца — красный, расшитый золотом. Он выглядел могущественным, как божество, острым и неудержимым.

Наши взгляды встретились, и он остановился. Лишь тогда я заметил У Чжу, следующую за ним. Эта варварская принцесса была теперь одета по обычаям Мянью: волосы уложены высоко в облачную причёску, украшены фениксами и шалью, лицо скрыто красной вуалью, а длинное платье стелилось по земле. Она тоже выглядела весьма благопристойно.

Прекрасная пара.

Возможно, этот волчонок, женившись и познав женскую ласку, оставит свою нездоровую страсть ко мне.

Я слегка кивнул и улыбнулся им обоим.

Но Сяо Ду не ответил на улыбку. Без тени эмоций на лице он отвёл взгляд, устремил его вперед и продолжил подниматься по нефритовым ступеням.

Церемониймейстер рядом с Сяо Ланем развернул императорский указ и начал громко зачитывать.

Сяо Ду медленно опустился на колени. Совершив три коленопреклонения и девять земных поклонов, он принял от церемониймейстера корону и нефритовую печать.

Я смотрел, как тяжёлая и величественная «тунтяньгуань» опускается на голову Сяо Ду, и невольно вспомнил, каким я впервые увидел этого волчонка: с кудрявыми волосами, собранными деревянной шпилькой, жалким и несчастным. На миг меня охватило лёгкое головокружение. Неужели с тех пор прошло уже пять лет?

Вечерний пир, разумеется, также был невиданного размаха.

На него явились почти все князья и знать. В Чертоге Цзюю мужчины в парчовых халатах и высоких шапках, женщины в шёлковых платьях и жемчугах — всё сверкало и переливалось, создавая ослепительное зрелище.

За столами царило оживление, звенели бокалы, звучали смех и беседы — невероятно шумно и весело.

Картина мирного процветания.

Увы, мирное процветание осталось лишь иллюзией прошлого.

Сидя среди пирующих, я чувствовал себя сторонним наблюдателем, взирающим на эту фальшивую, пышную пьесу в ожидании её конца.

Когда Сяо Лань лично спустился с места, чтобы произнести тост, я поднялся, чтобы поздравить его со свадьбой и пожелать скорого рождения наследника. Слова мои были пустой формальностью — я лишь хотел предостеречь его, чтобы держался от меня подальше и был осмотрительнее с императрицей, дабы не повторить прошлую ошибку.

Сяо Лань, конечно, понимал, что я имел в виду. Но, встретившись со мной взглядом, он лишь усмехнулся, не придав этому значения, приказал евнуху долить мне вина и настоял, чтобы мы выпили вместе.

Поднимая бокал, я услышал его слова:

— Сяо Лин, даже моя новая императрица не сравнится с тобой и в десятой доле. О какой же радости может идти речь?

Я с отвращением нахмурился, осушил бокал, и лишь тогда он удалился.

Вино на пиру было выдержанным, из императорских запасов, с крепким послевкусием. От одного бокала в голове уже зашумело, пошла лёгкая волна, настроение поднялось, и даже захотелось сочинить стихи.

Оглядевшись, я увидел, что все вокруг улыбаются, пребывая в прекрасном расположении духа. Даже наложница Ли сияла, словно озарённая весенним ветром. По логике вещей, после возведения Сяо Ланем императрицы именно ей должно было быть не до смеха. Лишь восседавшая на месте императрицы У Цзя, с лицом, скрытым покрывалом, не выдавала своих чувств. Её прекрасные глаза, видимые сквозь ткань, смотрели холодно и надменно, словно у орла, парящего в поднебесье.

Я взглянул на Сяо Ду. Он стоял ко мне спиной и вместе с У Чжу кланялся Сяо Ланю. Поскольку я номинально был Верховным императором, они, поклонившись императору, должны были подойти ко мне.

Я сидел на своём месте и смотрел, как они оба опускаются передо мной на колени. Я сидел не

совсем прямо, и Сяо Ду, сам того не замечая, придавил коленями полу моего халата, а его рука легла мне на носок.

Я поднёс Сяо Ду вино. Лишь когда он поднялся, я смог убрать онемевшую ногу. Я пожелал ему и принцессе У Чжу долгого и счастливого союза и преподнёс заранее приготовленные плоды луфу. Для мужчины они укрепляют силу, для женщины способствуют зачатию — лучшего подарка и не придумать.

— Благодарю дядюшку. Ваша забота глубоко тронула племянника, — с невозмутимым лицом произнёс Сяо Ду, выпил вино и снова низко склонился, собираясь совершить полный поклон.

Такое почтение застало меня врасплох. Я ведь не император и не заслуживаю таких церемоний от наследного принца. Я поспешно схватил его за плечи и поднял.

Подняв глаза, я столкнулся с его пронзительным, обжигающе-ледяным взглядом. Сердце ёкнуло.

Он усмехнулся, уголок губ задорно приподнялся, словно в насмешке, полной обиды и гнева.

Таким выражением лица, такой властностью, обращённой к подчинённым, можно было бы внушить страх.

Но я лишь смутно ощущал, что Сяо Ду действительно разгневан.

Я похлопал его по плечу — утешение. Как старший, я мог лишь это.

Если он не может отпустить, ему придётся научиться. Эта нездоровая страсть была лишь его собственной несбыточной фантазией. Для меня же она не только не имела смысла, но и была обузой, причиняющей беспокойство.

Теперь, когда он женился, у меня было больше оснований оборвать эти ребяческие чувства.

Юношеская любовь всегда хрупка. Разве я сам не переживал подобное? С годами, по мере того как жизнь становится суровее, все, кто когда-то занимал в ней место, превращаются в мимолётные воспоминания — как Лян Шэн, бывший рядом со мной столько лет.

Лишь власть, которую держишь в руках, реальна.

— Верховный император, князь Шунь велел передать вам устное послание, — тихо окликнул меня слуга, указав на боковую дверь, ведущую в Императорский сад. — Он сказал, что идёт вперёд и будет ждать вас.

Я взглянул на Сяо Юя и увидел, как слуги выкатывают его к боковой двери. Сделав несколько глотков вина, я дождался, пока он выйдет, и направился к Сяо Ланю, чтобы попрощаться. Сославшись на то, что перебрал с вином, я вышел через главные ворота и сел в паланкин. На полпути я приказал слугам отнести меня в Императорский сад.

Императорский сад был лабиринтом извилистых тропинок. Мы долго петляли, прежде чем наконец добрались до заднего склона горы.